

DOI: 10.15372/HSS20240413
УДК 94(470)“1917/1922”
EDN: XILTNE

Р.А. БАДИКОВ

**ОФИЦЕРСКАЯ КОРПОРАЦИЯ
НА СЛУЖБЕ КРАСНЫХ, БЕЛЫХ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ
В 1917–1922 гг.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОНОГРАФИЙ А.В. ГАНИНА**

Челябинский государственный университет,
РФ, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

В статье представлен аналитический обзор двух монографий доктора исторических наук А.В. Ганина «Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг.» [М., 2019] и «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг.» [М., 2023]. В указанных трудах раскрывается специфика служебной деятельности, повседневного существования и взаимного противостояния представителей некогда единого сообщества офицеров Русской армии, оказавшегося в период Великой российской революции и Гражданской войны по разные стороны баррикад. Внимание автора сконцентрировано на анализе ключевых кадровых практик в отношении использования офицерства, которые имели место в Советской России, центрах антибольшевистского сопротивления и во вновь образованных национальных государствах. Исследователь приходит к выводу, что Советская Россия как один из участников полномасштабного гражданского конфликта 1917–1922 гг. наиболее эффективно использовала ресурс офицерской корпорации, усилив свои военные и гражданские позиции и обеспечив победы Красной Армии. Данные монографии представляются важным этапом на пути реконструкции судеб представителей офицерской корпорации в период общественно-политической турбулентности первой четверти XX в.

Ключевые слова: Гражданская война в России, офицерская корпорация, военные специалисты, военно-историческая литература, историография.

Для цитирования: Бадиков Р.А. Офицерская корпорация на службе красных, белых и национальных вооруженных формирований в 1917–1922 гг.: историографический анализ монографий А.В. Ганина // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 4. С. 107–116. DOI: 10.15372/HSS20240413.

R.A. BADIKOV

**OFFICER CORPORATION IN THE SERVICE OF RED, WHITE
AND NATIONAL ARMED FORCES IN 1917–1922:
HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS
OF THE MONOGRAPHS OF HISTORIAN ANDREI GANIN**

Chelyabinsk State University,
129, Bratiev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

---

Роман Андреевич Бадиков – канд. ист. наук, доцент, заместитель декана факультета Евразии и Востока (по научной работе), директор Регионального НОЦ изучения проблем национальной безопасности, Челябинский государственный университет, e-mail: badikov_roman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4070-1621>.

Roman A. Badikov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Dean for Research Affairs of the Faculty of Eurasian and Oriental Studies, Director of the Regional Research and Education Centre of the Study of National Security Issues, Chelyabinsk State University.

The article presents an analytical review of the monographs of historian Andrei Ganin “The Russian Officer Corps During the Civil War. The Confrontation of Command Personnel. 1917–1922” (Moscow, 2019) and “Personnel of the General Staff During the Russian Civil War of 1917–1922” (Moscow, 2023). These publications reveal the specifics of official activities, daily existence and mutual confrontation between representatives of the once unified community of officers of the Russian Army, who found themselves on different sides during the Great Russian Revolution and the Civil War. The author’s attention focuses on the analysis of key personnel practices in relation to the employment of officers taking place in Soviet Russia, the centers of anti-Bolshevik resistance, and newly formed national states. In conclusion, it is substantiated that Soviet Russia, as one of the parties of the full-scale civil conflict of 1917–1922, was the most effective at managing the resources of the officer corporation to strengthen its own military and political positions and to ensure the victories of the Red Army. The monographs under consideration are an important stage in the reconstruction of the destiny of the officer corporation during the period of socio-political turbulence of the first quarter of the 20th century.

Key words: Russian Civil War, officer corporation, military specialists, military literature, historiography.

Вековой юбилей окончания Гражданской войны в России придал новый импульс изучению событий 1917–1922 гг. Внимание значительной части исследователей сконцентрировалось на анализе особенностей функционирования различных государственных институтов бывшей Российской империи. Прежде всего, речь идет об отечественных вооруженных силах, вовлеченность которых в затянувшуюся Первую мировую войну стала прологом и падения Дома Романовых, и развернувшегося позднее кровопролитного гражданского противоборства. Не первый год одной из приоритетных сфер интенсивного научного поиска является изучение профессиональной воинской общности, именуемой русским офицерством, в годы «Русской смуты». Идея создания обобщающих просопографических трудов на эту тему, которые раскрывали бы судьбы и офицерской корпорации¹, и ее отдельных страт в годы революционных катаклизмов и гражданского конфликта, не теряла востребованности вплоть до настоящего времени.

Существенный прогресс в решении данной задачи был достигнут благодаря выходу в свет в 2019–2023 гг. очередных фундаментальных монографий А.В. Ганина – специалиста по истории Гражданской войны в России, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения Российской академии наук [Ганин, 2019, 2023а, 2023б].

В своих весьма обстоятельных специальных трудах историк успешно сочетает количественный подход в рамках изучения такого массового исторического объекта, каким представляется офицерство старой армии на 1917 г., и общность ее представителей в 1917–1922 гг., с историко-биографическим методом, аргументированно интерпретируя различные сюжеты избранной им тематики (акцент на «личные истории» и экзистенциальный опыт членов русской военной элиты). Увлекая читателя исследованием службы и борьбы поколения офицеров, чья деятельность выпала на Первую мировую и Гражданскую войны, А.В. Ганин создает на страницах двух новых монографий яркий коллективный портрет военного командования эпохи «Русской смуты». В этом полотне

нашли отражение перипетии судеб красных военспецов, офицеров антибольшевистских формирований и представителей военного командования молодых национальных государств, образовавшихся на обломках империи. Столь исчерпывающий взгляд на участие офицерства в Гражданской войне в новейшей отечественной историографии представлен впервые.

Круг рассмотренных в монографиях вопросов отличается масштабностью: деформация командного корпуса отечественной армии на революционном изломе; размежевание представителей офицерской корпорации на этапе перехода внутреннего конфликта в стадию вооруженного противостояния; служебная деятельность и повседневное существование командиров различных лагерей Гражданской войны – бывших офицеров императорской и республиканской армии; практики вовлечения бывших офицеров в событийную канву противостояния, а также их дистанцирования от участия в войне; рекрутирование и применение офицерства в чрезвычайной общественно-политической обстановке. Обилие четко очерченных направлений исследования, однако, не отразилось на внутреннем единстве рассматриваемых книг. Трудам А.В. Ганина чужд схематизм, а история корпорации в его изложении вписывается в широкий контекст рефлексий представителей офицерства над собственным путем, над природой и последствиями революции и Гражданской войны.

В первую очередь обратим внимание на монографию «Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг.». Основная часть книги образована девятью главами. В освещении пути офицерства – первенствующего предмета данного научного труда, автор использует проблемный и хронологический подходы. Как в увлекательном художественном романе, перед читателем разворачивается «одиссея» военного командования исчезнувшей империи – от революционных событий февраля 1917 г. до ликвидации последних очагов антибольшевистского сопротивления в 1922 г.

Вести читателя в курс сильно мифологизированной в недавнем прошлом научной проблемы призвана глава 1, раскрывающая особенности социальной и служебной трансформации общности офицеров Русской армии в годы Первой мировой войны. Можно солидаризироваться с основным выводом А.В. Ганина, по-

¹ Под корпорацией в данном случае мы понимаем группу лиц, объединяемую общностью профессиональных или сословных интересов [Словарь русского языка, 1999, с. 107].

Рис. 1. Монография А.В. Ганина «Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг.». М., 2019.

Fig. 1. Monograph of A.V. Ganin “The Russian officer Corps During the Civil War. The Confrontation of Command Personnel. 1917–1922”. Moscow, 2019.

казавшего, как постепенно происходило размывание качественной базы командного корпуса вследствие реализации практик ускоренной подготовки офицеров в военное время, разрушалось профессиональное корпоративное единство офицерства в 1914–1917 гг. Таким образом, подчеркивает автор, «офицерский кор-

пус подошел к Гражданской войне как крайне неравноценная группа командиров в отношении квалификации и имеющегося опыта» [Ганин, 2019, с. 38].

Окончательный раскол корпорации стал данностью вскоре после начала формирования очагов антибольшевистской борьбы, прежде всего, на юге

Рис. 2. Монография А.В. Ганина «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг.»: в 2 т. М., 2023.

Fig. 2. Monograph of A.V. Ganin “Personnel of the General Staff During the Russian Civil War of 1917–1922”: in 2 vols. M., 2023.

России. Благодаря успешному применению методологии количественного анализа А.В. Ганину удалось (см. главу 2) на предварительной основе охарактеризовать статистический облик корпуса офицеров и его страт. Поясним сказанное. При рассмотрении проблемы раскола офицерства автор следует дедуктивной логике. Представляя на основе собственных материалов и актуальных оценок других исследователей примерную численность офицерских кадров, находившихся в распоряжении Советской России, белых правительств и национальных государств, историк переходит к аналогичным цифровым выкладкам по отдельным категориям службистов. В книге представлены статистические данные о размежевании корпуса выпускников и слушателей Николаевской академии Генерального штаба (генштабистов), офицеров флота и некоторых других. В целом автор признает, что подведение итогов вычислений «остается задачей будущих исследований» [Ганин, 2019, с. 51].

Важным для дальнейшего изучения вопроса мы находим также стремление А.В. Ганина проанализировать такое сложное явление, как массовое уклонение представителей офицерского корпуса от участия во внутреннем конфликте. Не секрет, что позиция явного или скрытого «дистанцирования» граждан зрелого возраста от общественно-политических событий 1917–1922 г. оценивалась советской исторической наукой крайне негативно – ей *a priori* отказывалось в праве на конструктивное внимание. Реноме «неудобной» продолжало довлеть над этой проблемой и в период «белого историографического ренессанса» 1990 – начала 2000-х гг. Вновь придавая специфической группе бывших офицеров-«уклонистов» статус полноценного объекта исследования, А.В. Ганин не скрывает, что «изучать их положение в те годы сложнее ввиду дефицита источников и разрозненности данных» [Ганин, 2019, с. 47].

Тем не менее основная масса офицерской корпорации в послереволюционное время все же не была

готова мыслить или действовать с полной определенностью, открыто заявляя о своих идеологических предпочтениях и антипатиях (если они имели место) или предпочитая выбрать, например, вариант «уклонения» от дальнейшей службы, о чем свидетельствует переход армейского аппарата к исходу 1917 г. под контроль большевиков. Инерция службы во многом предопределила жизненную инертность командного состава бывшей императорской армии. Решение о выборе его представителями дальнейшего пути на фоне нарождавшейся Гражданской войны принималось зачастую под влиянием сиюминутных факторов.

Разобраться в запутанном комплексе идеологических, карьерных, материальных, родственных и других мотивационных ориентиров, предопределивших разведение тысяч бывших офицеров в 1917–1922 гг. по разные стороны баррикад, читателю позволяет содержание главы 3. Реализованная на ее страницах генерализация обширного массива эго-документов (мемуаристики, эпистолярных текстов и т.д.), принадлежащих представителям командного состава противоборствующих сил, позволила А.В. Ганину сформировать ряд наблюдений относительно причин, побудивших офицеров примкнуть к конкретной выбранной ими стороне конфликта.

Многое в связи с этим может, в частности, объяснить первичная модель поведения командного состава армии, вплоть до генералитета Ставки Верховного главнокомандующего, имевшая место осенью 1917 – весной 1918 г. Она опиралась на аполитичную идею сохранения офицером собственного статус-кво, предполагавшую продолжение службы на старом месте независимо от характера правящего режима. Придерживаясь этой модели, справедливо подчеркивает автор, значительная часть офицерства «...как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в те же, но видоизмененные органы новой, Красной армии» [Ганин, 2019, с. 52].

Намерение примкнуть к «красному лагерю» диктовалось, впрочем, и вполне осознанными, неконформистскими мотивами: желанием принять участие в защите страны (но не правящего режима) от наступления кайзеровской армии в феврале 1918 г.; жаждой сопричастности к политическому режиму «твердой руки» в противовес более умеренному, но неспособному обеспечить порядок режиму Временного правительства; личной обидой на царский или республиканский режим, как правило, скрывавшей карьерную подоплеку. Рассматривая эти и иные соображения, А.В. Ганин в то же время резюмирует, что «...абсолютное большинство военспецов попало в Красную армию по мобилизации» [Ганин, 2019, с. 63].

Ряды Белого движения насчитывали большее количество профессионалов, вставших на путь сопротивления из идейных соображений. Как видно из предпринятого А.В. Ганиным анализа, таким офицерам было свойственно стойкое неприятие большевистских лозунгов, проводимой РСДРП(б) – РКП(б) пропаганды классово-сословной розни. Многие из

них уже оказывались в центре конфликтных ситуаций, связанных с разложением старой армии в 1917 г. и поощряемым большевиками в это время антиофицерским террором. Одним из аргументов в пользу белых армий выступали и присущие системе их управления традиционализм и консерватизм, напоминавшие офицерам привычные порядки старой армии. Хотя А.В. Ганин и критикует военный аппарат Белого движения за косность и рутинерство [Ганин, 2019, с. 99], в какой-то мере реанимируя тезисы советской историографии, следует признать, что мотив возвращения к ирреальному «светлому прошлому» был важен для вступления офицерства в антибольшевистские ряды, особенно на раннем этапе борьбы.

Нельзя не отметить стремление историка избежать детальной ретрансляции ранее изданных собственных трудов – особенно фрагментов, касающихся организации службы военспецов РККА в период войны. Будучи признанным авторитетом в данной области, А.В. Ганин ограничился обобщением опыта исследования указанной темы лишь в рамках одной главы 4. Несколько проблем, затронутых здесь, заслуживают отдельного упоминания: это партийно-политическая дискуссия (в основном по линии Л.Д. Троцкий – И.В. Сталин) о подходах к использованию военспецов из числа бывших офицеров в военном строительстве; формирование в Советской России группировок партийных лидеров и поддерживавших их бывших командиров старой армии (тема, изученная до сих пор весьма фрагментарно); девиантное поведение представителей корпорации на службе в РККА; курс большевиков на замещение бывших офицеров «пролетарскими» кадрами.

Именно эти и некоторые другие факторы привели в конечном счете к тому, что военспецы как общность, невольной оказывавшаяся в центре дискуссий и конфликтов, постепенно стала смещаться новой властью с военно-управленческих позиций по мере того, как необходимость в их привлечении ослабевала [Ганин, 2019, с. 118].

В главах 5–8 рассматриваются особенности службы офицеров антибольшевистского движения в разных регионах России – на юге, востоке, севере и северо-западе. Обосновывая ключевое положение своей книги («...красная организация победила белую импровизацию» [Ганин, 2019, с. 268]), автор вскрывает комплекс системных проблем и неоднозначных решений, которые были характерны для антибольшевистского лагеря при выстраивании политики в отношении офицерских кадров. Ярким примером в связи с этим представляется «местничество» в Добровольческой армии на юге России, где первенствующую роль в карьерном возвышении офицеров играл стаж их пребывания в статусе добровольцев, а главное – их личное участие в Первом Кубанском («Ледяном») походе 1918 г. [Ганин, 2019, с. 133–135]. Очевидно, что эта практика имела свои преимущества на раннем этапе движения, когда требовалось создать сплоченные коллективы добровольцев как базис для развертывания массовой ар-

мии (в чем белые на юге, кстати, преуспели), но уже на этапе подготовки Московского наступления 1919 г. она явно не соответствовала кадровым запросам южных вооруженных сил.

Позиции белых ослаблялись также крайне подозрительным отношением к вновь прибывшим командным кадрам: организация «судов чести» без веских оснований, допросы офицеров контрразведывательными органами, проверка биографий командиров на основании информации свидетелей и т.п. Такие факты позволяют согласиться с выводом А.В. Ганина о том, что одной из черт офицерской политики белых было «нерациональное наивно-идеалистическое стремление к “чистоте риз”» [Ганин, 2019, с. 139].

Природа раскола корпорации русских офицеров в 1917–1922 гг. имела не только идейно-политическое, но и территориальное измерение. После распада Восточного фронта в Первую мировую войну бывшие имперские службисты вынуждены были самостоятельно определять свою судьбу, часть из них продолжила нести службу в самоопределившихся государственных образованиях. Прежде всего, речь идет об Азербайджане, Армении, Грузии, Латвии, Литве, Польше, Украине, Финляндии и Эстонии. Судьбам офицеров, состоявших в годы войны в армиях национальных государств, посвящена заключительная 9-я глава монографии.

Вновь образованные государства являлись малой родиной лишь для небольшой части офицеров старой армии. Многие из них (как и в случае с перемещением в РККА) оказались в рядах национальных армий по инерции или в результате мобилизации. Так, Центральная рада и последующий режим гетмана П.П. Скоропадского смогли воспользоваться преимуществом нахождения на территории Украины штабных структур ликвидируемого Юго-Западного фронта, а в Грузии возник переизбыток военных кадров вследствие концентрации здесь многочисленных штаб-офицеров из бывших учреждений Кавказского фронта. Опираясь и на материалы зарубежных архивов, автор монографии приводит данные, позволяющие с различной степенью точности определить численность офицеров русской службы в структуре командного состава армий этих и других молодых государств [Ганин, 2019, с. 261].

Изученные А.В. Ганиным источники позволили ему раскрыть типичные коллизии, связанные со службой офицеров-«неофитов». Например, в Азербайджане, испытывавшем влияние Османской империи, конфликты возникали на основе заявлений со стороны националистически настроенных элит, требовавших отказа от сотрудничества с русскими офицерами и замены их турецкими инструкторами [Ганин, 2019, с. 242–244]. Перманентное вмешательство политиков-националистов имело место также на Украине и в Армении. Еще одной неоднозначной тенденцией, присущей армиям самоопределившихся образований, являлось введение монолингвизма в служебном делопроизводстве и общении. Недостаточное владение национальным языком иногда становилось фактором

(или предлогом) смещения русских офицеров с занимаемых постов. Аналогичные случаи имели место в Армении, Польше, Украине, позднее – в Эстонии [Ганин, 2019, с. 236, 255, 259]. Несмотря на объективно сложные условия службы во вновь образованных государствах, не менее 27 тыс. офицеров, по подсчетам А.В. Ганина, в разное время приложили свои профессиональные знания к формированию национальных военных сил [Ганин, 2019, с. 261].

Генеральный вывод автора монографии касается сложнейшего вопроса: какой из сторон гражданского конфликта удалось наиболее эффективно использовать ресурсы офицерской корпорации для укрепления своих военно-политических позиций? «И здесь, – утверждает А.В. Ганин, – при меньшей численности военспецов в сравнении с белым офицерством организационным превосходством обладала Красная армия <...> при развитом мобилизационном, политическом и карательном аппарате» [Ганин, 2019, с. 265].

С этим тезисом сложно не согласиться. Гибкая, не обремененная грузом имперского прошлого система применения военспецов в Красной армии, сочетавшаяся с назначением с целью политического наблюдения за ними комиссаров, не была удобной для офицеров, но на практике складывались оптимальные условия для совместной интенсивной работы. В конечном счете у бывших офицеров возникло важное по тем временам чувство востребованности в противовес настроением их коллег из антибольшевистских режимов, которые не всегда оказывались «ко двору» из-за возраста, старых счетов, «местнических» схем и т.п. Оказавшись за чертой реального сопротивления (как и востребованности), нередко офицеры пополняли ряды «...фланжированных без дела по городам или сидевших по ресторанам...» службистов – тыловики [Ганин, 2019, с. 267]. Наличие бездействовавших офицеров было характерной чертой городской повседневности в регионах, подконтрольных антибольшевистским режимам, в первую очередь на юге России. Подобная картина сохранялась даже в кризисные моменты. Так, согласно выявленным нами в 2014 г. письменным воспоминаниям С.М. Буденного (1967 г.), при вступлении 8 января 1920 г. в Ростове-на-Дону авангард 1-й Конной армии Южного фронта пленил несколько групп офицеров, проводивших время в праздности в ресторанах и особняках².

Более полная картина была бы получена, если бы автор включил в проблемное поле монографии большее количество материалов, связанных с участием офицерства в движении «зеленых» повстанцев (как третьего актора войны). В книге он присутствует, но эпизодически («орловщина» на Крыму, движение Н.И. Махно и др.).

Чрезвычайно интересен поднятый А.В. Ганиным сюжет о межфронтной ротации белых офицерских кадров [Ганин, 2019, с. 225]. Хотя координация как

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9587. Оп. 2. Д. 367. Л. 15.

таковая в этой сфере между центрами антибольшевистского движения (юг, восток, север, северо-запад) не имела места, эпизодический обмен специалистами, пусть и в формате «почетной ссылки», все же осуществлялся. Соответствующий материал, полагаем, также мог бы усилить полноту издания.

Перечисленные выше соображения не умаляют значение реализованного А.В. Ганиным исследования судеб офицерского сообщества в годы «Русской смуты». Труд «Русский офицерский корпус...», безусловно, займет подобающее ему почетное место в отечественной историографии Гражданской войны.

Что касается другой монографии А.В. Ганина – «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг.», вышедшей двухтомным изданием в 2023 г., то она представляет собой редкий для последних десятилетий удачный пример просопографического исследования. Первый том включает главы 1–5, второй – главы 6–11. В этом труде раскрывается специфика службы и условия существования наиболее замкнутой, привилегированной, а также образованной части офицерской корпорации бывшей Российской империи – корпуса офицеров Генерального штаба, в первую очередь выпускников профильного элитного учебного заведения – Николаевской академии Генерального штаба. Будучи «мозгом армии», именно генштабисты формировали контуры большинства военных операций противостоящих стороны конфликта 1917–1922 гг. «Многолетней мечтой автора этих строк, – указывает А.В. Ганин, – было собрать воедино и отобразить на страницах будущей книги максимально широкую, полномасштабную картину участия выпускников академии Генерального штаба в революции, Гражданской войне и последующих событиях» [Ганин, 2023а, с. 8]. Без преувеличения можно сказать, что историку удалось блестяще достигнуть поставленной цели, отразить в 11 пространственных главах предпринятого исследования трагическую одиссею отечественных офицеров-генштабистов на волнах «Русской смуты».

В начале первого тома двухтомника – в главе 1 – раскрывается положение кадров Генерального штаба в канун гражданского противостояния. Глава является наиболее протяженной в хронологическом отношении, охватывая динамичный период с рубежа XIX–XX вв. до момента заключения большевистским руководством Брестского мирного договора (март 1918 г.), который ознаменовал выход России из Первой мировой войны. Участие генштабистов в войне рассматривается в основном в контексте проблемы управления войсками в боевых условиях и военного планирования. Вполне обоснованным следует признать его утверждение о не всегда целесообразном использовании столь ценных кадров, что, в частности, отразилось на статистике их потерь: 91 офицер Генштаба погиб, 56 попали в плен; всего же умерли в этот период, включая жертв Гражданской войны, не менее 198 генштабистов [Ганин, 2023а, с. 105]. Внимательное отношение А.В. Ганина к статистическому измерению

проблемы отразилось в приведенных им информативных таблицах [Ганин, 2023а, с. 113–119]. Опираясь цифровыми данными, историк приходит к выводу о качественной трансформации корпуса офицеров Генштаба, среди которых появились своего рода генштабисты военного времени – офицеры, прошедшие краткосрочные академические курсы.

По аналогии с монографией «Русский офицерский корпус...» автор двухтомника вводит крайне важные материалы в главе 2, посвящая читателя в перипетии раскола офицерства, в данном случае принадлежавшего к корпусу Генштаба бывшей Российской империи. Как и другие категории населения распадавшейся страны, генштабисты оказались перед выбором между красными, белыми и сторонниками вновь образованных национальных государств. Как указывает историк, «при расформировании штабов и управлений старой армии в начале 1918 г. бывшие офицеры Генерального штаба подлежали увольнению на общих основаниях и никуда не командировались. В результате значительное количество выпускников академии оказалось не у дел и без средств к существованию» [Ганин, 2023а, с. 211]. Именно на этом фоне постоянно разворачивались драмы, связанные с размежеванием специалистов Генштаба с учетом сторон гражданского конфликта. Закономерно, что в такой обстановке военное преимущество получали режимы, имевшие более совершенную систему учета офицерских кадров и действенные инструменты их привлечения или принуждения к работе в своих интересах. Детально раскрывая этот вопрос, А.В. Ганин указывает на очевидные успехи Советской России при том, что «антибольшевистский лагерь ничем похожим похвастаться не мог» [Ганин, 2023а, с. 380]. В подтверждение своего тезиса автор вводит в главе статистические данные о расколе и динамике перемещений кадров корпорации Генштаба в период Гражданской войны [Ганин, 2023а, с. 352–355, 358–376].

Разделяемое нами положение историка о более эффективном и ориентированном на результат использовании офицерских кадров в Советской России находит свое логическое продолжение в главах книги о службе генштабистов в РККА (глава 3) и работе их *vis-à-vis*, пребывавших в антибольшевистских армиях (глава 4). Чрезвычайно яркие материалы глав раскрывают множество аспектов темы, среди которых: влияние кадров Генштаба на организацию вооруженных сил красных, белых (юг, восток, север, северо-запад России) и национальных государств (Украина, Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и др.); подходы к комплектованию генштабистами формирований указанных режимов; специфика организации штабной службы и основные направления деятельности корпорации. Особо выделим дискуссионный параграф, посвященный работе специалистов Генштаба как весомому фактору победы РККА в гражданском противостоянии. Парадоксальность их вклада заключается в том, что не вполне доверявшие военспецам – бывшим офицерам большевики объективно сформирова-

ровали более эффективные модели использования ресурса генштабистов, чем их основные противники, несмотря на то, что белый лагерь для старой военной элиты являлся фактически дружественным [Ганин, 2023а, с. 550]. Вместе с тем едва ли можно согласиться без существенных оговорок с одним из заключительных выводов автора на этот счет: «Белые, несмотря на широкий выбор военных профессионалов, так и не смогли построить у себя регулярных армий ни на одном из фронтов, но это получилось у не обладавших ни военным образованием, ни подготовкой большевистских лидеров» [Ганин, 2023а, с. 804]. В данном случае можно отметить некоторое умаление имевшихся успехов антибольшевистского военного аппарата в 1917–1922 гг.

Потенциал корпоративного влияния генштабистов в годы конфликта отличался чрезвычайной широтой и силой. Он выходил за рамки сугубо «технической» работы по реализации оперативного планирования военных действий и нередко обеспечивал своим акторам возможность точечного влияния на политические процессы, в частности на борьбу партийных группировок в Советской России. Ряд явлений, процессов и сюжетов, связанных с политическими взглядами и ролью кадров Генштаба в политической борьбе, которой было пропитано поле властных отношений различных сторон конфликта, нашел отражение в заключительной главе первого тома монографии – главе 5. Политическая индифферентность при сохранении традиционалистских взглядов, как доказывает А.В. Ганин, в целом была характерной чертой мировоззрения представителей генштабистской корпорации. Изменить этот расклад не способна была даже жизнь в условиях советской диктатуры. «Политическая партийность для них как явление эпохи Гражданской войны практически не существовала, а члены партий были единичны» [Ганин, 2023а, с. 997–998]. Вместе с тем традиции закулисной борьбы были характерны для офицеров Генштаба, прежде всего, в стане Белого движения. Применительно к политической борьбе в лагере большевиков автор вводит в монографии понятие неформальных «партийно-военных группировок». Во многом их образование стало следствием усиления патрон-клиентских практик в среде деятелей РСДРП(б) – РКП(б), занимавшихся вопросами фронтового управления или обеспечения действий РККА. «И вокруг Троцкого, и вокруг его оппонента Сталина, и вокруг Ленина постепенно складывались группировки с участием специалистов Генерального штаба, вовлекавшихся, таким образом, в партийно-политическую борьбу» [Ганин, 2023а, с. 943].

Том 2 монографии «Кадры Генерального штаба...» открывается главой 6, посвященной корпоративным практикам и служебным атрибутам генштабистов. В среде исследователей дореволюционной России своеобразная «кастовость» этой группы офицеров по отношению к «обычному» командному составу армии уже давно стала притчей во языцех. Заслуга А.В. Ганина как ученого заключается в том, что он впервые про-

анализировал трансформацию корпоративных начал этой категории офицерства на фоне крушения старой России и торжества идей революции, имевших, в сущности, комплексную «антикорпоративную» направленность. Если до революционных потрясений единство специалистов Генштаба распространялось в основном на сферу экономической взаимопомощи, а также на вопросы престижа генштабистов, то после 1917 г. в их среде все сильнее начинают раздаваться голоса в пользу усиления политического влияния корпуса Генштаба. Именно это обстоятельство стало одной из предпосылок поляризации членов корпорации в рамках идеологического (между красными, белыми и националистами) и в меньшей степени поколенческого (выпускники академии до Первой мировой войны *versus* выпускники ускоренных курсов) пространства. При этом более многогранными, по справедливому утверждению А.В. Ганина, были корпоративные практики в Советской России, где функционировали четыре организации генштабистов – организация старых генштабистов, организация выпуска ускоренных курсов 1917 г. (2-й очереди), организация красных генштабистов и фракция коммунистов Академии Генштаба РККА [Ганин, 2023б, с. 87]. Практики Белого движения отличались меньшей содержательностью: белые генштабисты были защищены в служебном отношении и, как известно, не нуждались в низовой самоорганизации для отстаивания своих позиций [Ганин, 2023б, с. 77].

Чрезвычайный интерес для читателя представляют две последующие главы книги, раскрывающие характер деятельности специалистов Генштаба в экстраординарных условиях: в ситуации вынужденного или добровольного (перебежчики, дезертиры) перехода на сторону противника, а также в случае пленения (глава 7); в рамках выполнения разведывательной, контрразведывательной и подпольной работы (глава 8). Заметим, что проблема перехода представителей командного состава на сторону противника стала предметом особого внимания А.В. Ганина в еще одной из его недавних книг «Измена командармов» [Ганин, 2020]. Столь болезненный для любой из сторон гражданского конфликта феномен, как дезертирство и измена, в случае со специалистами Генштаба восходит к лету 1918 г., когда руководство Советской России приступило к массовой мобилизации бывшего офицерства. «Чтобы представить размах этого явления, – указывает историк в главе 7, – достаточно отметить, что у прошедших через ряды РККА 1600 выпускников Николаевской военной академии зафиксировано не менее 580 случаев дезертирства и плена» [Ганин, 2023б, с. 89]. Причинами переходов, как доказывает автор монографии, являлись ущемление прав генштабистов в Советской России, неприятие ими идеологии большевизма и практик «красного террора» [Ганин, 2023б, с. 214].

Важным для понимания данной проблемы следует считать предпринятый на страницах издания сопоставительный анализ политики красных и белых в отношении перебежчиков и пленных специалистов

Генштаба. Антибольшевистские центры благодаря избытку военных кадров (прежде всего, на юге России) могли позволить себе преследовать перебежчиков, ограничивать их поступление в ряды движения, долгое время расследовать их причастность к большевизму, инициировать «суды чести». Напротив, представителям красного лагеря было важно, пресекая очевидные и потенциальные контрреволюционные проявления среди пленных и перебежчиков, использовать их знания для обеспечения успехов РККА [Ганин, 2023b, с. 216]. Иногда вскрывавшиеся факты измены военнослужащих-генштабистов *post factum* указывали на их деятельность в качестве агентов подпольного сопротивления или разведчиков. Наиболее успешными акторами «невидимого фронта» были генштабисты, задействованные на службе белых. Как отмечает А.В. Ганин, по причине замкнутости корпорации офицеров Генштаба большевики так и не смогли «внедрить своих агентов на руководящие позиции в белых штабах, тогда как высокопоставленные агенты-одиночки в РККА в 1918–1919 гг. оставались сильной стороной белого подполья» [Ганин, 2023b, с. 369].

Просопографическое исследование корпуса специалистов Генштаба осталось бы неполным без обращения автора к неформальным, личным аспектам их жизни и деятельности, столь часто ускользавшим от внимания историков. Раскрыть образ героев монографии, сделать доступными для понимания их поступки призвана глава 9, в которой отображены реалии повседневности, быта и службы данной когорты военнослужащих. Режим службы и специфика построения карьеры, награды и формы поощрения, социальное обеспечение и организация питания, жилищные условия и имущественное положение – таков далеко не полный спектр сведений, характеризующих «непарадную» сторону жизни военной элиты противоборствующих сторон. Не обходит вниманием историк и различного рода проявления девиантного поведения генштабистов, в 1917–1922 гг. некоторые из них были уличены в злоупотреблениях, должностных преступлениях и проступках или в аморальных формах досуга [Ганин, 2023b, с. 518–523].

Изначальный дефицит кадров Генштаба в сочетании с их убылью по причинам смерти, дезертирства, пленения или нетрудоспособности актуализировал еще на раннем этапе Гражданской войны проблему подготовки генштабистов в учебных заведениях. Проекты и инициативы красных, белых и национальных режимов в этой сфере стали предметом внимания автора в главе 10. Она открывается материалами об организации обучения офицеров в Николаевской военной академии в 1917–1922 гг. (последовательно служившей в интересах красных, белых, а затем – вновь красных) и Академии Генштаба РККА в 1918–1922 гг.

Горизонт новой, ранее практически не исследованной, по нашей оценке, проблематики аргументированно вводится А.В. Ганиным далее – при изучении следующих сравнительно малоизвестных инициатив, реализованных в Советской России. Речь идет о под-

готовке штабных работников младшего звена в рамках сети специальных курсов и школ, а также об обучении кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета в 1920–1922 гг. Детально анализируя учебные программы и процесс обучения, историк приходит к вполне обоснованному выводу о том, что «создание сети специализированных военно-учебных заведений, готовивших кадры штабных работников, стало одним из слагаемых победы РККА в Гражданской войне. Ничего похожего на подобную сеть в антибольшевистском лагере создано не было» [Ганин, 2023b, с. 637]. Попытки подготовки генштабистов предпринимались и в самоопределившихся образованиях (на Украине при режимах гетмана П.П. Скоропадского и атамана С.В. Петлюры; в Польше, Армении, Азербайджане), но они вряд ли оказывались успешными.

Своеобразным эпилогом многогранного просопографического исследования является глава 11, в которой подводятся качественные и количественные итоги службы представителей корпуса Генштаба на заключительном этапе войны (1920–1922 гг.) и прослеживаются особенности их судеб в Советской России и в эмиграции, эпизодически вплоть до 1970–1990-х гг. Для понимания судеб представителей этой корпорации в потоке исторических событий этой корпорации столь широкий во временном отношении пласт, развернутые обобщения автора являются крайне необходимыми. Показано, что путь большинства генштабистов оказался историей «без счастливого итога». Как специалисты, добросовестно трудившиеся на службе в РККА, так и их противники – участники Белого движения, оказывались спустя годы в массе своей в незавидном положении. Одни после взятого большевиками курса на возвращение молодой генерации красных командиров все чаще становились жертвами политических чисток, апогеем которых явился «большой террор» 1937–1938 гг. Другие были вынуждены покинуть Родину, искать новые ориентиры, нередко отказываясь от профессии, с большими трудностями интегрируясь в иноязычную, чуждую среду. Однако если рассматривать героев книги как органичное звено в длинной веренице поколений отечественной военной элиты, то вывод после прочтения двухтомника напрашивается по-своему оптимистичный. Военспецы, по мнению А.В. Ганина, с которым нельзя не согласиться, «сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в самую грозную вооруженную силу в мире в послевоенный период» [Ганин, 2023b, с. 803].

В заключение отметим, что рассмотренные монографии А.В. Ганина, вне всякого сомнения, являются ценным вкладом в изучение истории России первой четверти XX в. – времени колоссальных перемен, сопровождавшихся усилением роли вооруженных сил, в том числе русского офицерства. Пожелаем исследо-

вателю новых успехов и открытий в дальнейшем исследовании судеб представителей отечественной военной элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 320 с.

Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Изд-во «Пятый Рим», 2020. 800 с.

Ганин А.В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: в 2 т. М.: Кучково поле Музеон, 2023а. Т. 1. 1000 с.

Ганин А.В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: в 2 т. М.: Кучково поле Музеон, 2023б. Т. 2. 968 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 2: К – О. 736 с.

REFERENCES

Ganin A.V. (2019). The Russian Officer Corps in the Civil War. Confrontation of Command Personnel. 1917–1922. Moscow, Tsentrpoligraf, 320 p. (In Russ.)

Ganin A.V. (2020). Treason of the commanders. Representatives of the supreme command of the Red Army who defected to the enemy during the Russian Civil War of 1917–1922. Moscow, Pyatyy Rim, 800 p. (In Russ.)

Ganin A.V. (2023a). Personnel of the General Staff during the Russian Civil War of 1917–1922. Moscow, Kuchkovo pole Muzeon, vol. 1, 1000 p. (In Russ.)

Ganin A.V. (2023b). Personnel of the General Staff during the Russian Civil War of 1917–1922. Moscow, Kuchkovo pole Muzeon, vol. 2, 968 p. (In Russ.)

Evgen'eva A.P. (Ed.) (1999). Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkiy yazyk, Poligrafresursy, vol. 2: К – О, 736 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.10.2024

Дата рецензирования 24.10.2024

Статья принята к публикации 31.10.2024